

Х.А.Гаджиев, А.С.Семченков
УСТОЙЧИВОСТЬ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Индексный анализ

Ханлар Аляр оглы Гаджиев — кандидат политических наук, доцент Центра социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ, преподаватель Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. Для связи с автором: gadzhiev_hanlar@mail.ru.

Андрей Сергеевич Семченков — доктор политических наук, профессор кафедры «История» Российского университета транспорта. Для связи с автором: andsem4@yandex.ru.

Аннотация. Проблема устойчивости политической системы относится к числу наиболее актуальных для политической науки. Волна социально-политических потрясений, имевших место в XXI в. в различных странах мира, требует обращения к факторам, которые определяют способность современных политических систем сохранять свои существенные черты при возникновении негативных ситуаций. Сегодня уже очевидно, что устойчивость политической системы, механизмов и принципов ее функционирования зависит не только и, быть может, не столько от состояния социально-экономической сферы, развитости демократических институтов или наличия/отсутствия деструктивного внешнего воздействия, как это зачастую утверждается. Ключевую роль здесь играют внутри-системные характеристики.

Многоаспектность проявления и многофакторность формирования устойчивых политических систем не просто обуславливают возможность огромного числа дефиниций устойчивости, но и порождают немалые трудности по ее измерению.

В статье посредством разработанного авторами ранее индекса устойчивости анализируется политическая система Казахстана. Проведенное исследование показывает, что на протяжении большей части постсоветской истории страны устойчивость ее политической системы находилась на уровне выше среднего, причем в настоящее время по этому параметру она уже превосходит Россию и Украину и приближается к Беларуси. При этом при сохранении существующих тенденций устойчивость политической системы

Казахстана в краткосрочной перспективе будет лишь возрастать. По заключению авторов, помешать этому могут только форс-мажорные обстоятельства в мировой экономике и появление новых военных и политических угроз, с которыми республика окажется не в состоянии справиться, не прибегая к помощи союзников.

Ключевые слова: Казахстан, политическая система, устойчивость, стабильность, индекс устойчивости политической системы

Республика Казахстан (РК) — одна из наиболее стабильных и развитых стран Центральной Азии, тесно связанная с Россией общей историей и процессами межгосударственной интеграции в экономике и иных сферах общественной жизни. Внутриполитическая обстановка в Казахстане и проводимый его лидерами внешнеполитический курс являются предметом особого внимания в нашей стране, безопасность и развитие которой в немалой степени зависят от ситуации, складывающейся в соседних государствах. Данные обстоятельства делают весьма востребованным исследование особенностей функционирования политической системы Казахстана в постсоветский период, оценки ее устойчивости и перспектив дальнейшей эволюции.

Метод исследования

¹ См. Гаджиев и Семченков 2020.

Устойчивость политической системы Казахстана в настоящей работе анализируется посредством ранее разработанного нами индекса устойчивости¹, состоящего из 17 характеристик (показателей). Будучи комплексным индикатором, он позволяет достаточно адекватно оценивать возможности и способности политической системы сохранять свои сущностные черты и целостность, несмотря на внешние «возмущающие воздействия».

Индекс рассчитывается для каждой каденции главного политического субъекта (в данном случае — президента) и представляет собой средневзвешенное значение оценок, присвоенных каждой из 17 характеристик. Последние разделены на три категории, обладающие разным весом: вес наименее значимых характеристик (11—17) определен как 5; вес умеренно значимых (7—10) — как 7; вес наиболее значимых (1—6) — как 10. Каждая характеристика индекса оценивается по десятибалльной шкале.

Одним из исходных положений, которым мы руководствовались в своем анализе, стал тезис о необходимости разграничения двух взаимосвязанных, но разнородных явлений — устойчивости и стабильности. Если стабильность есть *состояние* политической системы, предполагающее ее функционирование в рамках определенных пороговых значений², то устойчивость — это *возможности* и *способности* политической системы, позволяющие ей сохранять часть компонентов,

² Соловьев 2003: 1—2.

определяющих ее целостность и сущность, а также установленные пороговые значения³.

³ Гаджиев и Семченков 2020: 161.

Примерами, наглядно иллюстрирующими разницу между стабильностью и устойчивостью политической системы, могут служить неудавшиеся попытки государственных переворотов (Венесуэла в 2002 г., Бурунди в 2015 г., Турция в 2016 г. и т.д.). Очевидно, что возникновение подобного рода ситуаций свидетельствует о дестабилизации политической системы. Вместе с тем провал этих попыток говорит об устойчивости выстроенных политических систем⁴.

⁴ Там же: 163.

Сразу оговоримся, что устойчивость политической системы, равно как и ее стабильность, не следует сводить, как это иногда практикуется, к долговечности политического режима⁵ или продолжительности властвования главного субъекта политики (чаще всего главы государства)⁶. Было бы не совсем верно также утверждать, что устойчивость равнозначна уровню социально-экономического развития страны⁷, жесткости установленного политического режима или тем более развитости демократических институтов⁸. Перечисленное, как представляется, скорее относится к факторам, влияющим на состояние и возможности политической системы (хотя и крайне важным⁹).

⁵ Younis et al. 2008: 204.

⁶ Campante, Chor, and Do 2009.

⁷ Хантингтон 2004: 26.

⁸ White, McAllister, and Munro 2017: 5.

⁹ Abu, Karim, and Aziz 2014.

Устойчивость, на наш взгляд, следует рассматривать в более широком ключе, связывая ее с функционированием властных институтов и параметрами политической системы. Она есть необходимое и ключевое качество любой политической системы, позволяющее ей полноценно решать возложенные на нее задачи¹⁰.

¹⁰ Faust, Grävingholt, and Ziaja 2013: 1–2.

Анализ характеристик индекса устойчивости

Первая характеристика — имеющиеся у политической системы ресурсы и механизмы преодоления критических ситуаций. Исследование политической системы Казахстана показывает, что на протяжении всей постсоветской истории правящая в стране группа во главе с Нурсултаном Назарбаевым, а затем тандемом Назарбаев — Касым-Жомарт Токаев, обладала (и обладает) достаточным набором таких ресурсов и механизмов (см. табл. 1). В их числе сильная вертикаль власти, контроль над финансовыми потоками, силовым блоком и медиа, а также формально-конституционные инструменты влияния. Можно даже говорить о постепенном и прогрессирующем укреплении позиций правящей группы и наращивании ресурсов начиная с 1991 г., особенно после принятия в 1995 г. новой Конституции, официально установившей президентоцентричную систему и тем самым зафиксировавшей фактический расклад сил. Внесли свой вклад в этот процесс и конституционные изменения 2007 и 2017 гг., придавшие большую гибкость модели власти. Вместе тем в Казахстане отсутствуют эффективные механизмы выстраивания конструктивного диалога между властью и оппозицией и компромиссного формата конкуренции на политической арене.

Таблица 1 Ресурсы и механизмы преодоления критических ситуаций (характеристика 1)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	5	7	7	8	8	8	8

Вторая характеристика — соответствие политической системы и режима базовым ценностям общества. В целом сложившаяся за постсоветский период в РК модель власти соответствует базовым ценностям общества (см. табл. 2). Запрос на сильную персонифицированную власть, а также принятие и одобрение действующего политического режима в немалой степени объясняются культурно-историческими особенностями казахстанского общества. Кратко описывая его политическую культуру, можно говорить о конвергенции традиционной (местной), советской и западной (в меньшей степени) систем ценностей вкупе с кланово-патриархальной структурой социума и влиянием религии (прежде всего ислама). Ей присуще тяготение к патернализму, приверженность единоличному харизматическому правлению и сильное государственное начало¹¹.

¹¹ См. Мухамеджанов 2007: 45; Кайнар 2016: 2872—2873; Рахманов 2016: 149.

Таблица 2 Соответствие политической системы и режима базовым ценностям общества (характеристика 2)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	10	10	10	10	10	10	10

Третья характеристика — *эффективность власти*. На протяжении всего постсоветского периода значения этого показателя довольно высоки (см. табл. 3). Многие из поставленных властью целей были достигнуты и продолжают реализовываться. В целом они отвечают актуальным запросам общества, и на их достижение затрачен оптимальный объем ресурсов.

Таблица 3 Эффективность власти (характеристика 3)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	5	7	8	8	8	8	8

Ключевыми актами, в которых зафиксированы приоритетные цели государственной политики, являются стратегии «Казахстан-2030» и «Казахстан-2050» (представленные в посланиях президента от 11 декабря 1997 г. и 14 декабря 2012 г. соответственно). Первая, если исходить из обозначенных в ней приоритетов, была призвана ускорить поступательное развитие основных сфер общественной жизни и создать необходимые для этого условия и государственные механизмы. С точки зрения указанных приоритетов позитивные результаты не вызывают сомнений. Так, по ходу реализации стратегии были обеспечены внутриполитическая стабильность, национальное единство и экономический рост (правда, в основном за счет сырьевых секторов при постоянном отставании темпов развития технологий и стандартов производительности¹²), повысилось благосостояние граждан, увеличилось финансирование здравоохранения и образования¹³, были предприняты успешные меры по совершенствованию инфраструктуры в этих сферах. Разумеется, это не означает, что добиться удалось всего намеченного. В частности, сохранились проблемы с качеством образования и его доступностью, занятостью, уровнем оплаты труда, качеством рабочих мест и т.д.¹⁴

Стратегия «Казахстан-2050» была официально презентована как обновление политического курса, намеченного в предыдущей стратегии, при сохранении и углублении достигнутого при следовании выбранным ранее приоритетам и целям. Анализ динамики выполнения новой стратегии и обозначившихся в ходе ее реализации тенденций

¹² Ostrowski 2010; Реформы 2018: 103.

¹³ Кнох 2008.

¹⁴ Реформы 2018: 131.

показывает, что эффективность власти осталась примерно на том же высоком уровне, что и на предшествующих этапах.

Четвертая характеристика — наличие в обществе серьезных противоречий, конфликтов, расколов и доминирование общегражданской идентичности (см. табл. 4). В период с 1990 по 1999 г. в казахстанском обществе наблюдались серьезные противоречия и расколы (прежде всего в сфере национальных отношений и государственного строительства) на фоне слабой общегражданской идентичности. В дальнейшем, с 2000 г., хотя общегражданская идентичность осталась на низком уровне, конфликты в основном сошли на нет. Их изживанию способствовала относительная социально-экономическая стабильность в республике и достаточно эффективная работа спецслужб.

Таблица 4 Наличие в обществе серьезных противоречий, конфликтов, расколов и доминирование общегражданской идентичности (характеристика 4)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	0	0	7	7	7	7	7

Во время первых трех сроков Назарбаева серьезные противоречия в стране, во многом обусловленные ее полиэтничностью и выразившиеся в ирредентистских и автономистских настроениях казачества и иных слоев русскоязычного населения, удавалось нивелировать за счет балансирования интересов титульной нации, еще не составлявшей тогда большинства в республике, и других этнических групп. С 1999 г. благодаря инициированным властью административно-территориальным реформам, переносу столицы в Акмолу (с 1998 г. — Астана, с 2019 г. — Нур-Султан), переселению в РК этнических казахов из соседних стран, а также масштабной эмиграции из нее представителей иных этносов, вызванной негативными для них изменениями на рынке труда и снижением роли русского языка, титульная нация начинает численно и культурно превалировать. По состоянию на начало 2021 г. к ней относится более 69% жителей республики.

В противоположность общегражданской идентичности казахстанцев, этническая идентичность казахской общности достаточно сильна. Именно она и легла в основу строительства в стране политической нации¹⁵. При этом, хотя казахстанское общество поликонфессионально, деление его по принадлежности к той или иной религии выражено слабо¹⁶.

¹⁵ Sinnott 2003; Jones 2010; Петренко 2016.

¹⁶ Бектурганова и Фурман 2004.

Вместе с тем, как и в других странах Центральной Азии, в Казахстане наметился раскол между родоплеменными объединениями (Старшим и другими жузами) по поводу распределения власти в центре и регионах, а также внутри клановых структур. Последние делятся на имитирующие приверженность либерально-демократическим реформам верхи и низы, которые придерживаются традиционных ценностей и ратуют за социальную справедливость. Данный «разлом» исподволь проявляется в деятельности оппозиции и протестной активности в стране¹⁷.

¹⁷ См. Егоров и Рекк 2020.

¹⁸ Примечательно, что в 2013 г. даже институту президента, превосходившему по уровню доверия все другие институты власти, доверяли лишь 42% граждан РК (см. <http://demos.kz/rus/index.php?article=10>).

Пятая характеристика — общественная поддержка власти (см. табл. 5). Важно учитывать, что поддержка власти в РК имеет персоналистскую природу и мало связана с государственными институтами¹⁸. Общественной поддержкой пользуется прежде всего Назарбаев и близкие ему лица, на которых проецируется позитивное отношение общества к элите.

Таблица 5 Общественная поддержка власти (характеристика 5)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	10	10	8	9	10	10	7

¹⁹ Единственное исключение — выборы 1999 г., когда, по официальным данным, за Назарбаева проголосовали 79,78% избирателей (при явке 87,00%).

Высокая общественная поддержка Назарбаева сохранялась на протяжении всего его президентства. Об этом свидетельствуют как результаты президентских выборов, на которых он, как правило, получал свыше 90% голосов¹⁹, так и итоги голосования на инициированных им в 1995 г. референдумах о продлении полномочий президента и о принятии новой Конституции (95,46 и 89,14% голосов «за»

²⁰ См. Информационный сборник 2012; <https://www.election.gov.kz/rus/informatsiya-o-vyborakh-i-referendumakh-v-rk/informatsiya-o-proshedshikh-izbiratelnykh-kampaniyakh/itogi-vneocherednykh-vyborov-prezidenta-respubliki-kazakhstan-sostoyavshikhся-26-aprelya-2015-goda.php>.

²¹ Евразийский монитор 2004.

²² Задорин и Шубина 2011.

²³ https://rus.azattyq.org/a/nursultan_nazarbaev_society_support/2057786.html.

²⁴ <http://demos.kz/rus/index.php?poll=76>.

²⁵ Агаев 2013а: 3.

²⁶ Агаев 2013b: 127—128.

²⁷ См. Грозин 2019: 36—37.

²⁸ Имбаев 2009: 942.

²⁹ Егоров 2014: 31—32.

³⁰ Тулешов 2014: 160—161.

³¹ Федоров 2013: 72.

³² Ионова 2018: 74—75.

соответственно)²⁰. О том же говорит и его неизменно высокий рейтинг. Так, согласно совместным исследованиям ВЦИОМа и Исследовательской группы ЦИРКОН, в 2004 г. деятельность Назарбаева поддерживали 68% казахстанцев²¹, а в 2010 г. — 95%, причем в промежутке между этими датами рассматриваемый показатель не опускался ниже 82%²². Сходные цифры дают опросы, проведенные Baltic Surveys/The Gallup Organization, по которым в 2009 г. рейтинг Назарбаева составлял 87%, а в 2010 г. — 91%²³. Да и в 2019 г., уже после ухода Назарбаева с поста президента, его работу на посту главы государства, по данным Бюро экспресс-мониторинга общественного мнения Demoscope, положительно оценивали 87% жителей страны²⁴.

Шестая характеристика — уровень поддержки власти со стороны элит (см. табл. 6). Следует отметить, что значения этого показателя во многом определяются делением казахского общества на жузы. Правящая группа формировалась на базе кланово-элитной системы Старшего жуза, прежде всего племени Шапырашты, к которому формально принадлежит Назарбаев²⁵, и ее позиции весьма прочны²⁶ (что, однако, никак не отменяет многолетнее противостояние казахстанских элит, сдерживаемого главой государства²⁷ в том числе путем проведения гибкой кадровой политики²⁸). С момента обретения независимости Казахстан лишь дважды сталкивался со снижением элитарной поддержки власти — в первые постсоветские годы, когда шла борьба за доминирование в политическом пространстве между президентом и Верховным советом РК, и в 2001 г., во время конфликта между Назарбаевым и его бывшим зятем Рахатом Алиевым. В обоих случаях Назарбаеву удалось взять верх²⁹. Однако после последнего инцидента в целях предотвращения подобных ситуаций и достижения консенсуса между элитами Назарбаев стал активно использовать принцип «равноудаленности» от влиятельных групп, наделять важными полномочиями региональные элиты и расширять за счет них правящую группу. Довольно эффективной оказалась также тактика инкорпорирования в политическую систему молодых технократов — владельцев крупных капиталов, не связанных с локальными и общереспубликанскими элитами. Политэтническая технократическая элита стала как бы противовесом элите традиционной, способствуя сохранению баланса сил³⁰.

При всем том к 2011 г. в стране сложилась неоднозначная ситуация. Несмотря на заинтересованность элит в Назарбаеве как гаранте достигнутого баланса влияния различных кланов, в их среде усиливалась напряженность ввиду так или иначе назревающей смены главы государства³¹.

Конституционная реформа 2017 г., ослабившая институт президента и тем самым ограничившая возможности потенциального преемника Назарбаева, открыла шанс для максимального сохранения установленных и устраивающих элиты «правил игры», усложнив их изменение посредством формальных механизмов, что должно было работать на поддержание межэлитного компромисса³².

Таблица 6 Уровень поддержки власти со стороны элит (характеристика 6)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	7	10	10	10	10	7	4

С приходом Токаева на пост президента уровень элитарной поддержки власти не претерпел кардинальных изменений. Но очевидно, что новый глава государства не имеет того авторитета, что был у Назарбаева³³. Токаеву пока не удалось сформировать собственную команду и обеспечить своим сторонникам ключевые позиции в центральных и региональных властных структурах, что существенно ограничивает его реальные возможности³⁴. Вместе с тем его стремление обрести всю полноту власти провоцирует сложности во взаимоотношениях с региональными элитами, которые недовольны централизаторскими шагами нового президента. Проблемы могут возникнуть и на центральном уровне: в отличие от Назарбаева, Токаев не имеет безоговорочного влияния на правящую партию «Нур Отан» и вряд ли сможет изменить расклад сил в парламенте за счет других партий. Работают против Токаева и антикитайские настроения большей части элит³⁵. Тем не менее в настоящее время о каком-либо явном и неконтролируемом расколе элит говорить не приходится³⁶.

Седьмая характеристика — возможности реальной оппозиции (см. табл. 7). К реальной оппозиции, действовавшей и действующей в независимом Казахстане, можно отнести Социалистическую, Коммунистическую, Коммунистическую народную, Общенациональную социал-демократическую партии, Народный конгресс Казахстана, «Азат», «Демократический выбор Казахстана», Демократическую партию Жанболата Мамай, а также ряд общественных и политических деятелей, таких как Акежан Кажегельдин, Мухтар Аблязов и др. На протяжении большей части правления Назарбаева (за исключением недолгого периода существования неподконтрольного президенту Верховного совета в 1991—1995 гг.³⁷) возможности оппозиции для конкуренции с властью (прежде всего с «Нур Отан») были серьезно ограничены. Активная оппозиция, большинство лидеров которой принадлежат к Среднему жузу³⁸, не допускалась к принятию важных государственных решений и находилась под постоянным давлением власти³⁹.

³³ Ibadildin and Pisareva 2020: 112—113.

³⁴ Bohr A. et al. 2019: 5; Ионова 2020: 83.

³⁵ Титаренко 2020: 109—111.

³⁶ См. Сулейменов 2020: 78.

³⁷ См. Фурман 2004а.

³⁸ Фурман 2004б: 111.

³⁹ Сулейменов 2020: 73—74.

Таблица 7 Возможности реальной оппозиции (характеристика 7)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	3	6	6	4	5	5	4

При этом оппозиция — и не только по причине недостатка информационных ресурсов влияния на социум, но и вследствие разобщенности⁴⁰, организационной неустойчивости (частые расколы, спорадическая активность в условиях внутриэлитных конфликтов), непопулярности руководства, перехода в ее ряды на роли лидеров бывших высокопоставленных чиновников⁴¹, популистской риторики и отсутствия конкретных предложений по решению значимых для страны проблем — не пользовалась существенной поддержкой и доверием в казахстанском обществе. Радикальная часть оппозиции, вопреки своим заявлениям о стремлении к конструктивному взаимодействию и диалогу с властью, не принимала участия в работе соответствующих институтов (например, Национальной комиссии по вопросам демократии и гражданского общества). После вступления в должность главы государства Токаева серьезных перемен в положении и возможностях оппозиции не произошло⁴². В частности, реальная оппозиция слабо представлена в образованном в 2019 г. по решению нового президента Национальном совете общественного доверия. Более того, накануне состоявшихся 10 января 2021 г. выборов в Мажилис постановлением ЦИК Казахстана были введены ограничения для наблюдателей, многие из которых направлялись на избирательные участки оппозиционными силами. Теперь наблюдателями могут стать лишь зарегистрированные представители допущенных к выборам партий и общественных объединений, в уставах которых среди направлений деятельности предусмотрено и наблюдение на выборах.

Стоит также отметить, что в республике отсутствуют пользующиеся широкой поддержкой населения группы исламских фундаменталистов, способные противостоять действующему режиму⁴³. Утратило влияние и движение, выступавшее за автономию или вхождение в состав РФ части казахстанских территорий.

Восьмая характеристика — влияние силовых структур на политику. Значения этого показателя в Казахстане достаточно высоки (см. табл. 8). Причина такого положения дел заключается в том, что

⁴⁰ Satpayev 2016: 3.

⁴¹ Кармазина 2009: 201—203.

⁴² См. Сулейменов 2020: 74—78.

⁴³ См. Борисов и Сафаров 2019.

спецслужбы (в первую очередь Комитет национальной безопасности) являются там инструментом контроля первого лица государства над бизнес-элитой, высшей бюрократией и политической верхушкой, обеспечивая их лояльность и противодействуя распространению среди них оппозиционных настроений⁴⁴. Однако влияние силовых структур не абсолютно и ограничивается посредством кадровых ротаций (непрестанных перемещений руководителей из одних министерств и ведомств в другие) и механизма взаимного сдерживания (в частности, противостояния Комитета национальной безопасности и МВД РК).

⁴⁴ См. Федоров 2013: 64.

Таблица 8 Влияние силовых структур на политику (характеристика 8)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	8	8	8	8	8	8	8

Девятая характеристика — обеспечение правопорядка и безопасности. Учитывая динамику преступности в течение большинства президентских сроков Назарбаева, показатели Казахстана в этой плоскости можно определить как средние (см. табл. 9). В период с 1997 по 2010 г. они были даже высокими, что было связано с общим снижением числа преступлений в стране. Однако с 2011 г. наметилась тенденция к росту преступности, которая сменилась на противоположную только в 2017 г.

Таблица 9 Обеспечение правопорядка и безопасности (характеристика 9)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	5	5	10	10	0	5	5

Десятая характеристика — внесение существенных изменений в конституцию. К данной мере власть Казахстана прибегала довольно часто (см. табл. 10). Так, в период действия Конституции 1978 г. в нее трижды вносились поправки (наиболее масштабным был пакет от 2 июля 1992 г.). 28 января 1993 г. была принята новая Конституция, установившая относительно сбалансированное распределение сил в треугольнике «парламент — правительство — президент»: в частности, институт главы государства был отчасти уравновешен полномочиями парламента. Однако такая ситуация не устраивала главу государства, и 30 августа 1995 г. на проведенном по его инициативе референдуме была утверждена более президентоцентричная Конституция.

Таблица 10 Внесение существенных изменений в конституцию (характеристика 10)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	0	0	10	0	10	0	10

Вносились изменения и в Конституцию 1995 г. — в 1998, 2007, 2011, 2017 и 2019 гг. С точки зрения функционирования политической системы наиболее серьезными из них были принятые в 1998, 2007 и 2017 гг., предусматривавшие важные институциональные трансформации в организации власти. Поправка 2011 г. касалась процедуры назначения и проведения внеочередных президентских выборов, а поправка 2019 г. — переименования столицы РК.

В целом все поправки так или иначе имели отношение к ключевому субъекту политики — Назарбаеву. Если в первые годы его пребывания у власти преобразования были направлены на укрепление института президента, то затем акцент сместился на усиление и институционализацию личной власти Назарбаева. Переломным в этом плане можно считать 2007 г., когда в Основном законе появилось понятие «Первый Президент», на которого не распространяются ограничения на число переизбраний. Другими словами, изменения проводились не столько ради института президента *per se*, сколько в интересах занимавшего эту должность Назарбаева, который, и уйдя в 2019 г. в отставку, сохранил за собой статус лидера нации (елбасы) — институционализированной

инстанции, претендующей на центральную роль в ставшей более гибкой политической системе.

Одиннадцатая характеристика — соотношение формальных и неформальных институтов (см. табл. 11). Оценивая политическую систему Казахстана по данному критерию, прежде всего следует обратить внимание на немалую роль, которую играют в ней кланы и клиенты, в том числе с точки зрения принятия государственных решений⁴⁵. В этом смысле доминирующей силой выступают выходцы из Старшего жуза и земляки Назарбаева, занимающие ряд ключевых должностей в государственном аппарате. В меньшей степени во власти представлены выходцы из Среднего и Младшего жузов, хотя и их представительство значительно выше, чем у «нетитульных» этнических групп. В системе отношений власти с остро конкурирующими между собой бюрократическими, финансово-промышленными группами и службами безопасности лидер нации выступает в качестве арбитра, поддерживающего равновесие за счет сохранения противоречий между сторонами, а также кадровых перестановок, призванных не допустить чрезмерного усиления какой-либо из них.

⁴⁵ Наиболее влиятельными из них являются представители ближайшего окружения и семьи Назарбаева, выходцы из его родной деревни Чемолган (Фурман 2004а: 30), а также четыре финансово-промышленные группы — Тимур Кулибаева, Казкоммерцбанка, Евразийская и Корейская (Федоров 2013: 65—68).

Таблица 11 Соотношение формальных и неформальных институтов (характеристика 11)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	0	0	0	0	0	0	0

По некоторым оценкам, высокая значимость неформальных институтов в Казахстане проявляется и в том, что три крупнейшие политические партии страны представляют в первую очередь интересы кланов⁴⁶. Вместе с тем влияние жузов на принятие государственных решений, сколь бы существенным оно ни было, не следует абсолютизировать. В частности, Назарбаев, будучи выходцем из наименее знатного в Старшем жузе племени Шапырашты (племенного союза Уйсун), еще в молодости ослабил связи с ним и своими родственниками⁴⁷, и в дальнейшем в круг его конфиденентов вошли и лица неказахского происхождения.

⁴⁶ Фурман 2004а: 54; Isaacs 2011.

⁴⁷ Рекк 2020: 94.

Двенадцатая характеристика — наличие идеологической основы. В современном Казахстане такая основа, причем довольно надежная, безусловно, имеется (см. табл. 12). Эту роль выполняет идейный комплекс построения «толерантного общества». Кроме этого, власть достаточно часто апеллирует к евразийской концепции, что вполне понятно, ибо Казахстан не только расположен в самом центре евразийского континента, между Азией и Европой, но и отличается значительным этнокультурным и этноконфессиональным разнообразием, сочетая в себе элементы тюркской, европейской и славянской цивилизаций. Утверждается, что республика должна, с одной стороны, быть евразийским объединением нового типа, способным успешно отвечать на вызовы современности, а с другой — всемерно сотрудничать и сближаться с другими цивилизациями на межгосударственном и межрегиональном уровнях, соответствуя при этом европейским стандартам с точки зрения уровня жизни, развития политических и социальных институтов, а также высшего образования и науки⁴⁸. Данная идеологическая основа, и прежде всего система взглядов и интерпретаций, связанных с евразийством, начала разрабатываться и внедряться с момента обретения республикой независимости. Отцом казахстанской версии евразийства выступил сам Назарбаев, отмечавший, что «можно говорить о трех измерениях интеграции евразийского пространства — экономическом, военно-политическом и культурно-гуманитарном»⁴⁹.

⁴⁸ Цыряпкина 2015: 27—28; Cornell and Engvall 2017.

⁴⁹ Лекции 2020: 282.

Таблица 12 Наличие идеологической основы (характеристика 12)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	10	10	10	10	10	10	10

Тринадцатая характеристика — наличие консолидирующего внешнего фактора. В новейшей истории Казахстана не просматривается какого-либо внешнего фактора, способного консолидировать общество (см. табл. 13). Чертами «врага», противостояние которому могло бы объединить жителей республики, в массовом сознании не наделены ни Российская Федерация как продолжатель Российской империи и СССР (хотя отдельные группы казахов болезненно реагируют на обсуждение границ Казахстана с нею), ни осуществляющий экономическую

экспансию в странах Центральной Азии Китай, ни США и другие западные страны, предъявляющие высокие требования к уровню демократии и соблюдению прав человека в РК. Консолидация казахстанского общества определяется внутренними факторами — общим историческим прошлым и будущим, императивом повышения конкурентоспособности как отдельных граждан, так и страны в целом и т.п.

Таблица 13 Наличие консолидирующего внешнего фактора (характеристика 13)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	0	0	0	0	0	0	0

Четырнадцатая характеристика — функционирование системы обратной связи. На протяжении всего постсоветского периода каналы обратной связи между властью и обществом в Казахстане оставались чрезвычайно слабыми (см. табл. 14). Референдумы были редким явлением и проводились преимущественно в интересах правящей группы. Весьма показателен в этом плане отказ Назарбаева в 2017 г. использовать данную процедуру при проведении конституционной реформы⁵⁰. В республике практически отсутствуют механизмы общественной инициативы и коллективных обращений, а также иные формы реального участия граждан в принятии управленческих решений.

⁵⁰ См. Панфилова 2017.

Таблица 14 Функционирование системы обратной связи (характеристика 14)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	1	0	0	0	0	0	0

Протестная активность в Казахстане довольно низка и находится под жестким контролем государства. Ее росту мешает и высокая популярность Назарбаева. Протесты 2016, 2019 и 2020 гг. не приобрели серьезного размаха и были нейтрализованы властью, никак не повлияв на политическую систему страны и проводимый властью курс.

Пятнадцатая характеристика — необходимость контроля над средствами массовой информации и коммуникации. Следует отметить, что в Казахстане контроль власти над СМИ и СМК присутствовал все постсоветские годы (см. табл. 15). Потребность в таком контроле, за которой стоит стремление правящей элиты удерживать в своих руках инструменты управления общественным мнением, сохраняется даже несмотря на слабость реальной оппозиции — в том числе потому, что та пытается использовать ресурсы интернета для повышения своей популярности.

Таблица 15 Необходимость контроля над СМИ и СМК (характеристика 15)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	0	0	0	0	0	0	0

До 1992 г. контроль власти над медиасферой Казахстана был связан с фактическим отсутствием в республике независимых СМИ. Стремительное развитие медиасферы (включая ее негосударственный сектор) в последующие три года не внесло в эту ситуацию кардинальных изменений⁵¹. В 1995—1999 гг. ввиду увеличения числа независимых СМИ влияние власти на масс-медиа несколько снизилось. Однако уже в 1996 г. право на вещание и телевизионные частоты получила компания «Хабар», и ряд ранее оппозиционных СМИ стал курироваться представителями семьи Назарбаева⁵². В 1999—2005 гг. медиасфера продолжила качественное развитие. Существенно вырос сегмент независимых СМИ. Но власть не утратила контроля над ними: вместо применявшегося прежде прямого государственного финансирования и дотирования в этих целях теперь использовалась система государственных заказов⁵³, позволявшая регулировать информационное поле посредством определения приоритетных направлений освещения. В результате

⁵¹ Нуртазина 2011: 141.

⁵² Фурман 2004а: 28.

⁵³ Нуртазина 2011: 141—142.

⁵⁴ *Казахстан 2008:*
67.

⁵⁵ *Назарбетова*
2017: 72—73.

⁵⁶ *Отметим, что предпосылки подобного нововведения были подготовлены предшествовавшими изменениями законодательства о СМИ (см. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1022894#sub_id=10100; https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013966&show_di=1#pos=5;-108&sel_link=1000634960).*

подавляющая часть печатных изданий республиканского уровня и большинство телеканалов начали работать по госзаказам⁵⁴. Период с 2005 по 2011 г. ознаменовался как подъемом интернет-сегмента медиасферы, так и слиянием медиакомпаний и появлением на рынке крупных медиа-холдингов, вытеснявших слабые СМИ⁵⁵, что упростило контроль власти над масс-медиа. В 2009 г. вступил в силу закон, возложивший на онлайн-ресурсы ту же ответственность за содержание предоставляемой ими информации, что и на СМИ⁵⁶. Упрочение механизмов контроля над медиасферой происходило и в последующие годы, так что сегодня уровень ее регулирования очень высок.

Шестнадцатая характеристика — *прочность позиций на международной арене*. Благодаря прагматичному многовекторному и эквидистантному внешнеполитическому курсу Назарбаева и Токаева позиции Казахстана на международной арене выглядят достаточно прочными (см. *табл. 16*). Республика поддерживает торгово-экономические и политические связи с целым рядом стран Евросоюза, Восточной Азии, Ближнего Востока, участвует в интеграционных объединениях СНГ, ЕЭС, ШОС, ОДКБ, а также сохраняет стратегические партнерские отношения с США. В контексте непростой обстановки в Евразии гарантами ее безопасности выступают РФ (как союзник) и КНР (как стратегический партнер).

Таблица 16 Прочность позиций на международной арене (характеристика 16)

Каденции президента РК	10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев	29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев	10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев	04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев	03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев	26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев	С 20.03.2019 Токаев
Баллы	5	5	5	5	5	5	5

Семнадцатая характеристика — *частота кадровых изменений в высших эшелонах власти*. Применительно к Казахстану к высшему эшелону можно отнести первых лиц законодательного, исполнительного и судебного органов власти страны, Конституционного совета, Центральной избирательной комиссии, членов Совета безопасности (по должности), а также глав администраций городов республиканского значения и областей, так как именно они оказывают существенное влияние на принятие государственных решений в РК. Согласно нашему

подходу, кадровые изменения считаются частыми, если в течение одной каденции президента они происходили не менее трех раз.

В целом кадровые изменения в руководстве высших органов государственной власти Казахстана можно оценить как умеренные (см. *табл. 17*). Эта касается прежде всего спикеров Сената и Мажилиса, председателей Конституционного совета, Верховного суда и Центральной избирательной комиссии, генерального прокурора, министров иностранных дел и обороны, председателя Комитета национальной безопасности и начальника Службы государственной охраны. Динамика смены руководителей Администрации президента (АП), секретарей Совета безопасности (СБ) и министров внутренних дел заметно выше. Так, во время третьей каденции Назарбаева сменилось семь глав АП, а во время четвертой — четыре главы АП, пять секретарей СБ и по четыре министра внутренних дел, юстиции и чрезвычайных ситуаций.

Таблица 17 Частота кадровых изменений в высших эшелонах власти (характеристика 17)

<i>Каденции президента РК</i>	<i>10.12.1991—29.04.1995 Назарбаев</i>	<i>29.04.1995—10.01.1999 Назарбаев</i>	<i>10.01.1999—04.12.2005 Назарбаев</i>	<i>04.12.2005—03.04.2011 Назарбаев</i>	<i>03.04.2011—26.04.2015 Назарбаев</i>	<i>26.04.2015—19.03.2019 Назарбаев</i>	<i>С 20.03.2019 Токаев</i>
Баллы	5	5	5	5	5	5	10

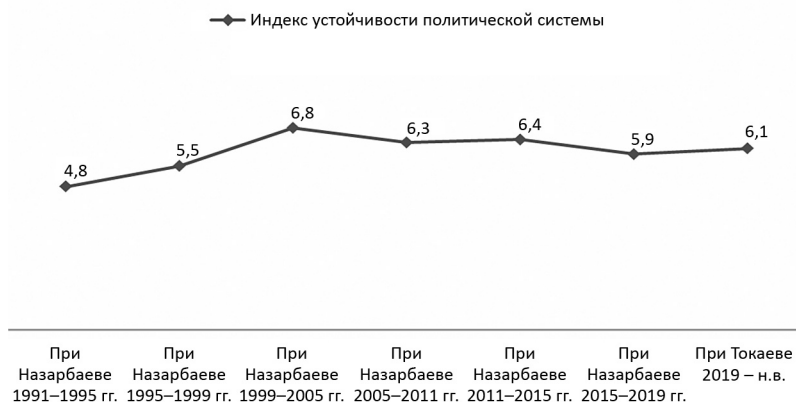
Смены глав правительства в Казахстане следует квалифицировать как нечастые: как правило, число назначенных в ходе одной каденции премьер-министров не превышало двух. Исключением стал третий срок Назарбаева, когда последовательно были назначены три руководителя правительства.

Сходным образом обстоит дело с кадровыми переменами в корпусе руководителей городов республиканского значения и областей Казахстана. В первую каденцию Назарбаева главами регионов (председателями городских и областных советов народных депутатов) в основном оставались бывшие партийные лидеры — первые секретари городских и областных комитетов Компартии Казахстана. Многие из них сохранили свои посты (уже в качестве акимов) и во время второй его каденции. В среднем частота назначений глав регионов составляет 1–2 случая в каденцию. Наименее частыми кадровые перемены в корпусе акимов регионов были во время пятого срока Назарбаева и текущего срока Токаева.

**Устойчивость
политической
системы
Казахстана**

Как видно из графика, представленного на *рис. 1*, на протяжении большей части постсоветской истории Казахстана устойчивость его политической системы оставалась на уровне выше среднего. Прежде всего речь идет о периоде после 1999 г., когда этот показатель достиг наивысшего за все годы независимости страны значения. Небольшой спад, зафиксированный в последний президентский срок Назарбаева, сменился новым ростом при Токаеве. Указанный уровень устойчивости, проявляющийся в том числе в продолжительных периодах политической стабильности в Казахстане, свидетельствует о достаточно высокой прочности и адаптивности утвердившейся модели власти и сложившегося политического режима. Подобное положение вещей во многом объясняется способностью главного политического субъекта (лидера нации, елбасы) и правящей группы страны своевременно отслеживать риски для функционирования политической системы в заданных ими параметрах. Не дожидаясь перехода рисков в стадию угроз, руководство страны не раз демонстрировало умение принимать необходимые для их купирования меры путем внесения в устройство и работу политической системы институциональных и технических изменений. Устойчивость политической системы Казахстана базируется на таких факторах, как внушительные ресурсы и действенные механизмы преодоления критических ситуаций; соответствие политической системы и режима базовым ценностям социума; эффективность власти, ее высокая поддержка в обществе и среди элит (наиболее значимые компоненты индекса); слабость реальной оппозиции; существенное влияние силовых структур на политику (умеренно значимые компоненты индекса); наличие надежной идеологической основы; достаточно прочные позиции страны на международной арене; нечастые кадровые изменения в высших эшелонах власти (наименее значимые компоненты индекса).

Рисунок 1 Устойчивость политической системы Казахстана в постсоветский период

Не следует, однако, упускать из вида и ряд моментов, оказывающих на политическую систему Казахстана «возмущающие воздействия». Это наметившиеся расколы в обществе на фоне слабой общегражданской идентичности (один из наиболее значимых компонентов индекса); средний уровень обеспечения правопорядка и безопасности в стране; частое внесение существенных изменений в Конституцию (умеренно значимые компоненты индекса); ошутимое влияние кланов и клиентел на принятие государственных решений; отсутствие консолидирующего внешнего фактора; практически не функционирующая система обратной связи; сохраняющаяся на протяжении всех постсоветских лет потребность в контроле над средствами массовой информации и коммуникации (наименее значимые компоненты индекса).

Вместе с тем, поскольку большинство перечисленных выше показателей неустойчивости относятся к умеренно и наименее значимым компонентам индекса, представляется, что в среднесрочной перспективе политическая система Казахстана сохранит свою устойчивость, особенно принимая во внимание ее возможности по преодолению критических ситуаций, эффективность власти, пользующейся поддержкой как общества, так и элит, и слабость реальной оппозиции. И ключевую роль здесь играет именно эффективность власти, от которой зависят не только ресурсы политической системы и находящиеся в ее распоряжении механизмы преодоления критических ситуаций, но и уровень поддержки руководства страны. Изменение в худшую сторону значений по этому показателю негативно скажется на способности политической системы Казахстана поддерживать свое равновесие. Однако вероятность подобного поворота событий пока выглядит минимальной.

Судя по динамике индекса устойчивости политической системы, по этому параметру Казахстан уже превосходит РФ и Украину и вновь приближается к Беларуси⁵⁷ (см. рис. 2).

⁵⁷ Об устойчивости политических систем России, Украины и Беларуси см. Гаджиев и Семченков 2020.

Рисунок 2 Устойчивость политических систем России, Беларуси, Украины и Казахстана в постсоветский период

При этом, учитывая высокую эффективность государственного управления, а также результативность проводимых правящей элитой экономических реформ и ее многовекторной внешней политики, можно предположить, что в обозримом будущем устойчивость политической системы Казахстана будет лишь возрастать. Помешать этому могут только форс-мажорные обстоятельства в мировой экономике и появление новых военных и политических угроз безопасности республики, с которыми она окажется не в состоянии справиться, не прибегая к помощи союзников.

Библиография

Агаев Г.Ш. (2013а) «Структурные особенности клановых сообществ Казахстана» // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*, № 4: 1—4. URL: <https://vestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/494> (проверено 20.06.2021).

Агаев Г.Ш. (2013b) «Прошлое, настоящее и будущее клановых сообществ Казахстана» // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки»*, № 5: 126—128. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/5101> (проверено 20.06.2021).

Бектурганова Б. и Д.Фурман. (2004) «Массовое сознание и религия в Казахстане и России» // *Россия и мусульманский мир*, № 11: 51—63.

Борисов Д.А. и А.М.Сафаров. (2019) «ИГИЛ в Центральной Азии: ближневосточные аналогии и региональная специфика» // *Вестник Томского государственного университета*, № 448: 101—107.

Гаджиев Х.А. и А.С.Семченков. (2020) «Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах» // *PolitBook*, № 1: 161—194. URL: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2020_Issue_1.pdf (проверено 20.06.2021).

Грозин А. (2019) «Элиты Республики Казахстан и проблема транзита высшей власти» // *Постсоветский материк*, № 3 (23): 34—43.

Егоров В.Г. и Г.Ш.Агаев. (2014) «Механизмы купирования последствий политической конкуренции: На примере казахстанских латентных элитных групп» // *Обозреватель — Observer*, № 11 (298): 29—39.

Егоров В.Г. и Д.А.Рекк. (2020) «Кланы в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии» // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*, № 3: 36—47. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1029> (проверено 20.06.2021).

Евразийский монитор: Аналитический доклад по результатам второй волны исследования. (2004) М.: ВЦИОМ; ЦИРКОН. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8d2/041022.pdf> (проверено 24.06.2021).

Задорин И.В. и Л.В.Шубина. (2011) *Дифференциация показателей социального самочувствия и политической лояльности населения стран постсоветского пространства.* URL: <http://www.zircon.ru/upload/>

iblock/982/Socialnoe_samochuvstvie_v_stranah_PSP_180311.pdf (проверено 24.06.2021).

Игбаев Р.Б. (2009) «Этапы и особенности становления института президентской власти в Республике Казахстан» // *Вестник Башкирского университета*, т. 14, № 3: 938—943.

Информационный сборник о выборах и республиканских референдумах, состоявшихся в республике Казахстан в период с 25 марта 1990 года по 16 января 2012 года. (2012) Т. 1. Астана: Центральная избирательная комиссия Республики Казахстан. URL: https://www.election.gov.kz/upload/docs/inform_sbornik_rus.pdf (проверено 24.04.2021).

Ионова Е.П. (2018) «Казахстан: тенденции политического развития» // *Россия и новые государства Евразии*, № 1 (38): 68—81. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Ionova_69-81.pdf (проверено 24.06.2021).

Ионова Е.П. (2020) «Казахстан в период транзита власти» // *Россия и новые государства Евразии*, № 1 (46): 82—97. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2020_01/12-Ionova.pdf (проверено 24.06.2021).

Казахстан в современном мире: реалии и перспективы. (2008) Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/K6B2YEO8.pdf> (проверено 24.06.2021).

Кайнар М.Е. (2016) «Демократические преобразования в Казахстане и политическая культура» // *XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования»: Сборник материалов.* Екатеринбург: УрФУ: 2870—2877.

Кармазина Л. (2009) «Проблемы казахстанской оппозиции» // *Центральная Азия и Кавказ*, № 4—5 (64—65): 199—209.

Лекции Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы Н.А.Назарбаева в ведущих университетах мира. (2020) Нур-Султан: Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы. URL: <https://enic-kazakhstan.kz/files/1604570008/kniga-lekcii-elbasy.pdf> (проверено 24.06.2021).

Мухамеджанов Б.А. (2007) «Институт президентства и механизм разделения властей: соотношение в единстве государственной власти» // *Среднерусский вестник общественных наук*, № 2 (3): 40—48.

Назарбетова А.К. (2017) *Политический контекст масс-медийного пространства: опыт политической компаративистики.* Дисс. ... д. философии (PhD). Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби.

Нуртазина Р.А. (2011) *Республика Казахстан: СМИ и политика.* Алматы: Азия Принт баспаханасы. URL: http://old.unesco.kz/publications/ci/2011/KZ_Media&Politics.pdf (проверено 24.06.2021).

Панфилова В. (2017) «Нурсултан Назарбаев отказался от референдума» // *Независимая газета*, 02.03. URL: https://www.ng.ru/cis/2017-03-02/100_kreferen.html (проверено 24.04.2021).

Петренко Е.О. (2016) «Нациестроительство в условиях авторитарной модернизации: опыт Казахстана» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 60, № 6: 70—79. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2016/70-79_Petrenko_.pdf (проверено 22.06.2021).

Рахманов Ф.В. (2016) «Роль теневых структур власти в Казахстане» // *Актуальные проблемы современности*, № 2 (12): 148—152.

Рекк Д.А. (2020) «Кланы Центральной Азии: история и современность» // *Постсоветский материк*, № 3 (27): 86—107.

Реформы в Казахстане: успехи, задачи и перспективы. (2018) URL: <https://www.oecd.org/eurasia/countries/Eurasia-Reforming-Kazakhstan-Progress-Challenges-Orport.pdf> (проверено 24.04.2021).

Соловьев А.И. (2003) «Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации» // *Государственное управление. Электронный вестник*, № 1: 1—9. URL: http://ee-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1_sentjabr_2003_g./solovjev.pdf (проверено 24.04.2021).

Сулейменов А.Р. (2020) «Оппозиционные движения Казахстана в постназарбаевский период» // *Россия и новые государства Евразии*, № 2 (47): 69—80. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2020_02/11.Suleymenov.pdf (проверено 22.06.2021).

Титаренко А.М. (2020) «Антикитайские настроения в Казахстане: бытовая синофобия, интересы элит, внешнее влияние» // *Россия и новые государства Евразии*, № 4 (49): 103—115. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2020_04/14.TITARENKO.pdf (проверено 22.06.2021).

Тулешов Т.Д. (2014) «Особенности политической системы Казахстана: основные факторы стабильности» // *Современная наука и инновации*, № 4 (8): 160—163.

Федоров Ю.Е. (2013) «Казахстан: в предчувствии нестабильности» // *Индекс безопасности*, т. 19, № 3 (106): 63—78.

Фурман Д.Е. (2004а) *Постсоветский политический режим Казахстана*. М.: Институт Европы РАН.

Фурман Д.Е. (2004б) «Казахстан: власть и режим (сравнение с Россией)» // *Россия и современный мир*, № 4 (45): 106—115.

Хантингтон С. (2004) *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.

Цыряпкина Ю.Н. (2015) *Центральная Азия в 1990—2010-е годы: основные тенденции внутренней и внешней политики*. Барнаул: АлтГПУ.

Abu N., M.Z.A.Karim, and M.I.A.Aziz. (2014) «Low Savings Rates in the Economic Community of West African States (ECOWAS): The Role of the Political Instability-income Interaction» // *South East European Journal of Economics and Business*, vol. 8, no. 2: 53—63.

Bohr A., V.Brauer, N.Gould-Davies, N.Kassenova, J.Lillis, K.Mallinson, J.Nixey, and D.Satpayev. (2019) *Kazakhstan: Tested by Transition*. London:

Chatham House. URL: <https://ru.scribd.com/document/440688375/2019-11-27-Kazakhstan-Tested-By-Transition-pdf> (accessed on 22.06.2021).

Campante F.R., D.Chor, and Q.A.Do. (2009) «Instability and the Incentives for Corruption» // *Economics & Politics*, vol. 21, no. 1: 42–92.

Cornell S.E. and J.Engvall. (2017) *Kazakhstan in Europe: Why Not?* Washington: Johns Hopkins University.

Faust J., J.Grävingsholt, and S.Ziaja. (2013) *Foreign Aid and the Fragile Consensus on State Fragility*. German Development Institute Discussion Paper 8/2013. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_8.2013.pdf (accessed on 24.04.2021).

Ibadildin N. and D.Pisareva. (2020) «Central Asia in Transition: Social Contract Transformation in Nazarbayev and Post-Nazarbayev Kazakhstan» // Mihr A., ed. *Transformation and Development: Studies in the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) Member States*. Cham: Springer: 101–116.

Isaacs R. (2011) *Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics*. Abingdon: Routledge.

Jones N.P. (2010) «„Assembling“ a Civic Nation in Kazakhstan: The Nation-Building Role of the Assembly of Peoples of Kazakhstan» // *Caucasian Review of International Affairs*, vol. 4, no. 2: 159–168.

Knox C. (2008) «Kazakhstan: Modernizing Government in the Context of Political Inertia» // *International Review of Administrative Sciences*, vol. 74, no. 3: 477–496.

Ostrowski W. (2010) *Politics and Oil in Kazakhstan*. Abingdon: Routledge.

Satpayev D. (2016) «Political and Economic Trends in Kazakhstan» // *Central Asia Policy Brief*, no. 32: 1–5.

Sinnott P. (2003) «Population Politics in Kazakhstan» // *Journal of International Affairs*, vol. 56, no. 2: 103–115.

White S., I.McAllister, and N.Munro. (2017) «Economic Inequality and Political Stability in Russia and China» // *Europe-Asia Studies*, vol. 69, no. 1: 1–7.

Younis M., X.X.Lin, Y.Sharahili, and S.Selvarathinam. (2008) «Political Stability and Economic Growth in Asia» // *American Journal of Applied Sciences*, vol. 5, no. 3: 203–208.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Kh.A.Gadzhiev, A.S.Semchenkov
POLITICAL SYSTEM SUSTAINABILITY
IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
INDEX ANALYSIS

Khanlar A. Gadzhiev — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Center for Socio-Political Research and Information Technologies, Russian State University for the Humanities; Lecturer at the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Email: gadzhiev_hanlar@mail.ru.

Andrei S. Semchenkov — Doctor of Political Science; Professor at the History Department, Russian University of Transport. Email: andsem4@yandex.ru.

Abstract. The problem of the sustainability of the political system is one of the most pressing issues in Political Science. The wave of social and political upheavals that took place in the 21st century in various countries requires studying the factors that determine the ability of modern political systems to maintain their essential features in case of undesirable conditions. Today it is already obvious that the sustainability of the political system, mechanisms and principles of its functioning depends not only and, perhaps, not as much on the socio-economic sphere, the development of democratic institutions or the presence/absence of a destructive external influence, as it is often assumed. Rather, intra-systemic characteristics play a key role.

The multidimensionality of the manifestation and the multifactorial nature of the formation of stable political systems not only determine the possibility of a huge number of definitions of sustainability, but also give rise to considerable difficulties in measuring it.

The authors analyze the political system of Kazakhstan using the sustainability index that they developed earlier. The study shows that throughout most of the post-Soviet history of the country, the level of the sustainability of its political system was above average, and now Kazakhstan already surpasses Russia and Ukraine in this parameter and is approaching Belarus. Moreover, if the existing trends continue, the sustainability of the political system of Kazakhstan in the short term will only increase. According to the authors' conclusion, this trend is hard to reverse unless there is a force majeure in the global economy or new military and political threats emerge, which the republic will not be able to tackle without resorting to the help of allies.

Keywords: Kazakhstan, political system, sustainability, stability, political system sustainability index

References

Abu N., M.Z.A.Karim, and M.I.A.Aziz. (2014) “Low Savings Rates in the Economic Community of West African States (ECOWAS): The Role of the Political Instability-income Interaction” // *South East European Journal of Economics and Business*, vol. 8, no. 2: 53–63.

Agayev G.Sh. (2013a) “Strukturnye osobennosti klanovykh soobshchestv Kazakhstana” [Structural Peculiarities Clan Communities in Kazakhstan] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (E-Journal)], no. 4: 1–21. URL: <https://vestnik-mgou.ru/vi/Articles/Doc/494> (accessed on 20.06.2021). (In Russ.)

Agayev G.Sh. (2013b) “Proshloe, nastojashchee i budushchee klanovykh soobshchestv Kazakhstana” [Past, Present and Future of the Clan Communities in Kazakhstan] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya “Istorija i politicheskie nauki”* [Bulletin of the Moscow Region State University. History and Political Sciences], no. 5: 126–128. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/5101> (accessed on 20.06.2021).

Bekturganova B. and D.Furman. (2004) “Massovoe soznanie i religija v Kazakhstane i Rossii” [Public Consciousness and Religion in Kazakhstan and Russia] // *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 11: 51–63. (In Russ.)

Bohr A., B.Brauer, N.Gould-Davies, N.Kassenova, J.Lillis, K.Mallinson, J.Nixey, and D.Satpayev. (2019) *Kazakhstan: Tested by Transition*. London: Chatham House. URL: <https://ru.scribd.com/document/440688375/2019-11-27-Kazakhstan-Tested-By-Transition-pdf> (accessed on 22.06.2021).

Borisov D.A. and A.M.Safarov. (2019) “IGIL v Tsentral'noj Azii: blizhnevostochnye analogii i regional'naja spetsifika” [ISIS in Central Asia: Middle East Analogies and Regional Features] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 448: 101–107. (In Russ.)

Campante F.R., D.Chor, and Q.A.Do. (2009) “Instability and the Incentives for Corruption” // *Economics & Politics*, vol. 21, no. 1: 42–92.

Cornell S.E. and J.Engvall. (2017) *Kazakhstan in Europe: Why Not?* Washington: Johns Hopkins University.

Egorov V.G. and G.Sh.Agayev. (2014) “Mekhanizmy kupirovaniya posledstvij politicheskoy konkurentsii: Na primere kazakhstanskikh latentnykh elitnykh grupp” [Mechanism for Preventing Political Competition Consequences: On the Example of Kazakhstan's Latent Elite Groups] // *Observer*, no. 11 (298): 29–39. (In Russ.)

Egorov V.G. and D.A.Rekk. (2020) “Klany v aktual'nom politicheskom protsesse postsovetskikh stran Tsentral'noj Azii” [Clans in the Current Political Process of Post-Soviet Countries of Central Asia] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (E-Journal)], no. 3: 36–47. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1029> (accessed on 20.06.2021). (In Russ.)

Evrzjskij monitor: Analiticheskij doklad po rezul'tatam vtoroj volny issledovaniya [Eurasian Monitor: The Analytical Report on the Results

of the Second Wave of Research]. (2004) Moscow: VTsIOM; TsIRKON. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8d2/041022.pdf> (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)

Faust J., J.Grävingsholt, and S.Ziaja. (2013) *Foreign Aid and the Fragile Consensus on State Fragility*. German Development Institute Discussion Paper 8/2013. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_8.2013.pdf (accessed on 24.04.2021).

Fedorov Yu.E. (2013) “Kazakhstan: v predchuvstvii nestabil’nosti” [Kazakhstan: in Presentiment of Instability] // *Indeks bezopasnosti* [Security Index], vol. 19, no. 3 (106): 63–78. (In Russ.)

Furman D.E. (2004a) *Postsovetskij politicheskij rezhim Kazakhstana* [Kazakhstan’s Post-Soviet Political Regime]. Moscow: Institut Evropy RAN. (In Russ.)

Furman D.E. (2004b) “Kazakhstan: vlast’ i rezhim (sravnenie s Rossiej)” [Kazakhstan: The Power and Regime (Comparison to Russia)] // *Rossija i sovremennyyj mir* [Russia and the Contemporary World], no. 4 (45): 106–115. (In Russ.)

Gadzhiev Kh.A. and A.S.Semchenkov. (2020) “Indeks ustojchivosti politicheskoy sistemy: opyt izmerenij v trekh stranakh” [Political System Sustainability Index: Experience of Measurements in Three Countries] // *PolitBook*, no. 1: 161–194. URL: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2020_Issue_1.pdf (accessed on 20.06.2021). (In Russ.)

Grozin A. (2019) “Elity Respubliki Kazakhstan i problema tranzita vyshej vlasti” [Elites of the Republic of Kazakhstan and the Problem of Transit of Supreme Power] // *Postsovetskij materik* [The Post-Soviet Mainland], no. 3 (23): 34–43. (In Russ.)

Huntington S.P. (2004) *Politicheskij porjadok v menjajushchikhsja obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Traditsija. (In Russ.)

Ibadildin N. and D.Pisareva. (2020) “Central Asia in Transition: Social Contract Transformation in Nazarbayev and Post-Nazarbayev Kazakhstan” // Mihr A., ed. *Transformation and Development: Studies in the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) Member States*. Cham: Springer: 101–116.

Igbaev R.B. (2009) “Etapy i osobennosti stanovlenija instituta prezidentskoj vlasti v Respublike Kazakhstan” [The Stages and Peculiarities of Development of Presidential Power Institution in the Republic of Kazakhstan] // *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], vol. 14, no. 3: 938–943. (In Russ.)

Informatsionnyj sbornik o vyborakh i respublikanskikh referendumakh, sostojavshikhsja v respublike Kazakhstan v period s 25 marta 1990 goda po 16 janvarja 2012 goda [Information Kit on the Elections and Republican Referendums Held in the Republic of Kazakhstan in the Period from March 25, 1990 to January 16, 2012]. (2012) Vol. 1. Astana: Tsentral’naja izbiratel’naja komissija Respubliki Kazakhstan. URL: https://www.election.gov.kz/upload/docs/inform_sbornik_rus.pdf (accessed on 24.04.2021). (In Russ.)

Ionova E.P. (2018) “Kazakhstan: tendentsii politicheskogo razvitiya” [Kazakhstan: Trends in Political Development] // *Rossija i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia], no. 1 (38): 68–81. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_01/Ionova_69-81.pdf (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)

Ionova E.P. (2020) “Kazakhstan v period tranzita vlasti” [Kazakhstan in the Period of Power Transit] // *Rossija i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia], no. 1 (46): 82–97. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2020_01/12-Ionova.pdf (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)

Isaacs R. (2011) *Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics*. Abingdon: Routledge.

Jones N.P. (2010) “„Assembling“ a Civic Nation in Kazakhstan: The Nation-Building Role of the Assembly of Peoples of Kazakhstan” // *Caucasian Review of International Affairs*, vol. 4, no. 2: 159–168.

Kaynar M.E. (2016) “Demokraticheskie preobrazovanija v Kazakhstane i politicheskaja kul'tura” [Democratic Transformation in Kazakhstan and Political Culture] // *19 Mezhdunarodnaja konferentsija “Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt empiricheskogo issledovanija”*: *Sbornik materialov* [19th International Conference “Culture, Personality and Society in the Modern World: Methodology, Empirical Research Experience”: Collection of Materials]. Yekaterinburg: UrFU: 2870–2877. (In Russ.)

Karmazina L. (2009) “Problemy kazakhstanskoj oppozitsii” [The Problems of the Kazakh Opposition] // *Tsentral'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus], no. 4–5 (64–65): 199–209. (In Russ.)

Kazakhstan v sovremennom mire: realii i perspektivy [Kazakhstan in the Modern World: Realities and Prospects]. (2008) Almaty: KISI pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. URL: <http://www.kisi.kz/uploads/1/files/K6B2YEO8.pdf> (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)

Knox C. (2008) “Kazakhstan: Modernizing Government in the Context of Political Inertia” // *International Review of Administrative Sciences*, vol. 74, no. 3: 477–496.

Lektsii Pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan — Elbasy N.A.Nazarbaeva v vedushchikh universitetakh mira [Lectures of the First President of the Republic of Kazakhstan, Elbasy N.A.Nazarbaev in the World's Leading Universities]. (2020) Nur-Sultan: Biblioteka Pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan — Elbasy. URL: <https://enic-kazakhstan.kz/files/1604570008/kniga-lekcii-elbasy.pdf> (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)

Mukhamedzhanov B.A. (2007) “Institut prezidentstva i mekhanizm razdelenija vlastej: sootnoshenie v edinstve gosudarstvennoj vlasti” [The Institution of Presidency and the Mechanism of Separation of Powers: Correlation in the Unity of State Power] // *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], no. 2 (3): 40–48. (In Russ.)

Nazarbetova A.K. (2017) *Politicheskij kontekst mass-medijnogo prostranstva: opyt politicheskoi komparativistiki* [Political Context of the Mass

Media Space: The Experience in Political Comparative Studies]. PhD diss. Almaty: Al-Farabi Kazakh National University. (In Russ.)

Nurtazina R.A. (2011) *Respublika Kazakhstan: SMI i politika* [The Republic of Kazakhstan: Mass Media and Politics]. Almaty: Azija Print baspakhanasy. URL: http://old.unesco.kz/publications/ci/2011/KZ_Media&Politics.pdf (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)

Ostrowski W. (2010) *Politics and Oil in Kazakhstan*. Abingdon: Routledge.

Panfilova V. (2017) “Nursultan Nazarbaev otkazalsja ot referendumu” [Nursultan Nazarbaev Rejected the Referendum] // *Nezavisimaya Gazeta*, 02.03. URL: https://www.ng.ru/cis/2017-03-02/100_kreferen.html. (accessed on 24.04.2021). (In Russ.)

Petrenko E.O. (2016) “Natsiestroitel'stvo v uslovijakh avtoritarnoj modernizatsii: opyt Kazakhstana” [Nation Building amid Authoritarian Modernization: the Kazakhstan Case] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 60, no. 6: 70–79. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2016/70-79_Petrenko_.pdf (accessed on 22.06.2021). (In Russ.)

Rakhmanov F.V. (2016) “Rol' tenevykh struktur vlasti v Kazakhstane” [The Role of Shadow Power Structures in Kazakhstan] // *Aktual'nye problemy sovremennosti* [Urgent Problems of the Present Times], no. 2 (12): 148–152. (In Russ.)

Reformy v Kazakhstane: uspekhi, zadachi i perspektivy [Reforms in Kazakhstan: Lucks, Failures, and Perspectives]. (2018) URL: <https://www.oecd.org/eurasia/countries/Eurasia-Reforming-Kazakhstan-Progress-Challenges-Opport.pdf> (accessed on 24.04.2021). (In Russ.)

Rekk D.A. (2020) “Klany Tsentral'noj Azii: istorija i sovremennost'” [Clans of Central Asia: History and Modernity] // *Postsovetskij materik* [The Post-Soviet Mainland], no. 3 (27): 86–107. (In Russ.)

Satpayev D. (2016) “Political and Economic Trends in Kazakhstan” // *Central Asia Policy Brief*, no. 32: 1–5.

Sinnott P. (2003) “Population Politics in Kazakhstan” // *Journal of International Affairs*, vol. 56, no. 2: 103–115.

Soloviev A.I. (2003) “Politicheskaja stabil'nost' v sotsiokul'turnom izmenenii: rossijskie illiustratsii” [Political Stability in the Socio-Cultural Dimension: Russian Illustrations] // *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public Administration. E-Journal], no. 1: 1–9. URL: http://ee-journal.spmsu.ru/uploads/vestnik/2003/vipusk_1_senjabr_2003_g./solovjev.pdf (accessed on 24.04.2021). (In Russ.)

Suleimenov A.R. (2020) “Oppozitsionnye dvizhenija Kazakhstana v post-nazarbaevskij period” [Opposition Moment in Kazakhstan in the Post-Nazarbaev Period] // *Rossija i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia], no. 2 (47): 69–80. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2020_02/11.Suleymenov.pdf (accessed on 22.06.2021). (In Russ.)

Titarenko A.M. (2020) “Antikitajskie nastroyeniya v Kazakhstane: bytovaya sinofobija, interesy elit, vneshnee vlijanie” [Anti-Chinese Sentiments in Kazakhstan: Domestic Sinophobia, Interests of the Elites, External Influence] // *Rossija i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and New States of Eurasia], no. 4 (49): 103–115. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2020_04/14.TITARENKO.pdf (accessed on 22.06.2021). (In Russ.)

Tsiryapkina Yu.N. (2015) *Tsentral'naja Azija v 1990–2010-e gody: osnovnye tendentsii vnutrennej i vneshnej politiki* [Central Asia in 1990–2010s: Major Trends in Domestic and Foreign Policy]. Barnaul: AltGPU. (In Russ.)

Tuleshov T.D. (2014) “Osobennosti politicheskoy sistemy Kazakhstana: osnovnye faktory stabil'nosti” [Peculiarities of Kazakhstan's Political System: Basic Factors of Stability] // *Sovremennaja nauka i innovatsii* [Modern Science and Innovation], no. 4 (8): 160–163. (In Russ.)

White S., I.McAllister, and N.Munro. (2017) “Economic Inequality and Political Stability in Russia and China” // *Europe-Asia Studies*, vol. 69, no. 1: 1–7.

Younis M., X.X.Lin, Y.Sharahili, and S.Selvarathinam. (2008) “Political Stability and Economic Growth in Asia” // *American Journal of Applied Sciences*, vol. 5, no. 3: 203–208.

Zadorin I.V. and L.V.Shubina. (2011) *Differentsiatsiya pokazatelej sotsial'nogo samochuvstviya i politicheskoy lojal'nosti naseleniya stran post-sovetskogo prostranstva* [Differentiation of Indicators of Social Well-Being and Political Loyalty of the Population of the Post-Soviet Countries]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/982/Socialnoe_samochuvstvie_v_stranah_PSP_180311.pdf (accessed on 24.06.2021). (In Russ.)